

УДК 316.4; 316.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-93-103

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РОССИЯН: СОЦИОЛОГИ- ЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: raisabarash@gmail.com

Обращаясь к результатам всероссийского социологического опроса, реализованного ФНИСЦ РАН, автор ставит своей целью исследовать особенности исторической памяти современных россиян и восприятие ими основных национальных исторических символов. Для достижения поставленной исследовательской цели автор реализует ряд сопряженных научных задач: изучает специфику исторической компетенции современных россиян, особенности восприятия ими ключевых событий отечественной истории и пережитых страной исторических периодов. Обращаясь к данным эмпирических социологических исследований, автор резюмирует, что информированность об истории страны естественным образом ослабевает, и прежние символы национальной гордости постепенно уходят в прошлое. Тогда как недавние события почти не воспринимаются как общественно значимые и важные. Происходит и постепенная деидеологизация исторического знания, в рамках общественно признанных ценностей плотно переплетаются советские и несветские компоненты. На основании реализованных исследовательских мероприятий автор делает ряд научных выводов. Так, в статье резюмируется, что, несмотря на довольно высокий интерес российских граждан к историческому прошлому, серьезные исторические изыскания почти не занимают граждан. Главными источниками исторических сведений являются публицистические, не научные материалы: исторические художественные и документальные фильмы и сериалы, а также Интернет. Постепенно возрастает интерес к истории семьи, фамильная память все чаще превращается в серьезный источник не только сведений об отечественной истории, но и в фактор, определяющий отношение к официальной версии национальной истории, к гражданской идентичности. Вместе с тем отсутствие болезненной заикленности российского общества, особенно молодежи, на прошлом ярко свидетельствует о конструктивном стремлении к оценке прошлого, избеганию «войны за историю».

Ключевые слова: идентичность, память, массовое сознание, историческая память

Цитирование: Бараш Р.Э. Историческая память и историческая компетентность россиян: социологическое измерение // Цифровой ученый: лаборатория фило-софа. 2021. Т. 4. № 4. С. 93-103. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-93-103

HISTORICAL MEMORY AND HISTORICAL COMPETENCE OF THE RUSSIA'S CITIZENS: THE SOCIOLOGICAL DIMENSION

Raisa E. Barash – PhD in Political Sciences, leading researcher of the Centre for Complex Social Studies. Institute of Sociology of FCTAS RAS. 24/35 bld. 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russian Federation; e-mail: raisabarash@gmail.com

Applying to the results of the sociological survey, developed by the FCTAS RAS and devoted to the study of the peculiarities of the historical memory of the contemporary Russia's citizens and their perception of the national historical symbols, the author emphasizes the empirical data that demonstrate the decline both of the citizens' level of historical competence and a sense of pride towards almost all key historical events. Awareness of the states' history is naturally weakening and most popular symbols of national pride are gradually fading into the past. Whereas recent historical events are hardly perceived as socially significant and important. There is also a gradual de-ideologization of historical knowledge; one can see that Soviet and non-Soviet components are tightly intertwined within the framework of socially recognized values. Although the interest towards the historical past is quite high among the Russia's citizens they are hardly interested in serious historical research. The main sources of historical information are journalistic and non-scientific materials: historical feature films, documentaries and serials, as well as the Internet. Interest towards family history is gradually increasing, family memory is increasingly turning into a serious source not only of information about national history, but also into a factor that determines the attitude towards the official version of national history and towards civic identity. At the same time, the absence of a painful obsession in the Russian society, especially among young people, on the past clearly testifies to a constructive desire to assess the past, avoid a "war for history."

Keywords: identity, memory, mass consciousness, historical memory

For References: Barash, Raisa. 2021. Historical memory and historical competence of the Russia's citizens: the sociological dimension, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 4 (4): 93-103. DOI: 10.32326/2618-9267-2021-4-4-93-103 (In Russian)

Исследование исторической памяти и национальной мифологии – одна из ключевых стратегий изучения социальной коммуникации и общественной консолидированности [Малинова, 2018; Морозов, 2020]. Гражданская идентичность и историческая память фундируют персональное мировоззрение и ценностные приоритеты, влияют на межличностное взаимодействие, консолидируя либо разобщая общество. Как межпоколенческий консенсус при оценке про-

шлого [Schechner, 2013, p. 82], так и возможность дискуссионной интерпретации истории, учитывающей уникальный персональный или групповой опыт, – естественные условия и горизонтального, и межпоколенного взаимодействия и конструктивной социальной коммуникации.

В обществах модерна принцип справедливости и примат прав человека, утверждаясь в качестве ключевого основания государственной политики, меняют «оптику» оценки и настоящего, и прошлого. Работа с историческим наследием ведется не только ради поиска достоверности и справедливости, но и для определения оснований общественной коммуникации, относительно непротиворечивого социального «самоописания» [Курилла, 2021; Bertens, 2020]. Подобный запрос на объединяющее национально-культурное начало, как свидетельствуют многолетние социологические исследования, был высок в российском обществе и в 1990–2010-е гг. [Бараш, 2020], актуален он и сейчас. По данным ФНИСЦ РАН, сопричастность гражданской идентичности «мы – граждане России, мы – россияне» на протяжении 2010-х гг. демонстрировали и представители титульных народностей национальных республик, и россияне, считавшие себя русскими [Горшков, 2017, с. 22]. Содержательными же основаниями гражданской консолидации постсоветского общества выступали преимущественно события советской истории, прежде всего Победа в Великой Отечественной войне [Koposov, 2018; Бараш, 2017; Belavusau, Gliszczyńska-Grabias, Mälksoo, 2021].

В этой ситуации актуализируется научная проблема изучения специфики исторической памяти современного многосоставного российского общества, испытывающегося влияние не только разнообразных этнокультурных традиций российских граждан, но и дискуссий о событийном корпусе национальной истории и интерпретации ключевых событий отечественной истории и пережитых страной исторических периодов. Для решения данной научной проблемы автором посредством количественных социологических методов был реализован ряд научных мероприятий¹. В рамках данной работы в качестве ключевой используется категория «историческая компетентность», понимаемая как информированность современников о событиях прошлого, а также как практика обращения к историческому знанию для понимания и объяснения символически детерминированного и «нагруженного» прошлым действия или события в настоящем [Knutsen, Knutsen, 2019].

¹ Настоящая статья базируется на анализе данных социологического исследования «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», проведенного ФНИСЦ РАН в рамках первого этапа Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (поручение президента РФ N ПР-71 от 16.01.2020 г.), в сентябре 2020 г. по репрезентативной общероссийской выборке (2000 человек в 22 субъектах РФ). Сбор первичной информации осуществлялся методом персональных очных интервью с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований.

В ходе реализации исследовательских мероприятий было установлено, что гражданская идентичность современного российского общества по-прежнему центрирована вокруг советского наследия: с начала 1990-х гг. система ключевых символов/поводов коллективной гордости не меняется [Miller, 2020]. В качестве таковых граждане традиционно называют Победу Советского народа в Великой Отечественной войне, восстановление страны после Великой Отечественной войны, великих отечественных деятелей культуры и искусства [Бараш, 2017]. Российская реальность наполнена советскими реминисценциями и маркерами исторической памяти, многие из которых выступают «скрепами» социально дифференцированного российского общества. Но с каждым годом советский период все более отдаляется, обрастая и мифами, и упрощенными интерпретациями. Наряду с этим в сложившейся ситуации внешнеполитической изоляции обостряется внимание восточно-европейских государств к трактовке неоднозначных событий советской истории, что в различных формах провоцирует острую внутривнутриполитическую дискуссию о советской истории и советском наследии, ослабляя его объединительный потенциал. Вместе с тем цифровизация и распространение социальных медиа заметно усиливают популярность локальных идентичностей и тематических сообществ по интересам, а разнообразные новые социальные движения объединяют людей под эгидой решения конкретных насущных проблем и задач гораздо мощнее, чем мифология «воображаемых сообществ». Ощущение сопричастности крупным «идентичностям» и культурным проектам все чаще уступает чувству общности с группами низовой самоорганизации и регулярной коммуникации. Меняется и традиционная городская среда, играющая роль не столько хранителя национальных образцов культуры, языка, традиций и ценностей, сколько «посредника» межкультурной коммуникации, задающего границы межкультурного взаимодействия. Вместе с тем свободный доступ к разнообразным источникам информации, прежде всего цифровым, и расширение аудитории социальных медиа позволяют сегодня узнать обширную информацию практически по любым темам, в том числе и историческим, и генеалогическим в максимально короткие сроки.

Актуальные социологические данные свидетельствуют о том, что историей России сегодня интересуются многие граждане (71% интересуются постоянно или время от времени), и интерес к отечественной истории больше, чем зарубежной (54%). Это во многом связано с активными бюрократическими мероприятиями по тематизации знаковых событий государственной истории. Неслучайно, по мнению трети опрошенных, историческое прошлое является началом, в наибольшей степени объединяющим граждан одной страны. Интерес к истории своей страны чаще проявляют респонденты старше 60 лет (75% которых интересуются ею постоянно или время от времени), нежели молодежь в возрасте 18-30 лет (67% соответственно), а также респонденты с высшим образованием (80%). Реже интересуются как мировой, так и отечественной историей те, кто не пользуется Интернетом (50% и 32% опрошенных соответственно), и респонденты,

субъективно определяющие собственное материальное положение как плохое (45% и 29% соответственно).

В оценке собственной исторической компетентности россияне сдержаны: большинство имеют лишь общее представление об исторических событиях (53%). Только каждый десятый (11%) оценивает свои познания в отечественной истории как хорошие. Как плохую, недостаточную собственную компетенцию в отечественной истории оценивают еще около трети (30%). Главным фактором, влияющим на уровень и качество исторического знания граждан, является уровень их образования: чем он выше, тем чаще опрошенные заявляли о хорошем знании отечественной истории. Соответственно, респонденты с низким уровнем образования чаще оценивали собственное владение историческими знаниями как плохое (55% – среди имеющих неполное среднее образование, 36% – среди обладателей аттестата о среднем общем образовании, 33% – среди респондентов со средне-специальным образованием). Молодежь в отличие от взрослых также заметно чаще критично оценивала свои исторические компетенции (35%).

Хотя интерес к историческому прошлому в российском обществе довольно высок, серьезные исторические изыскания почти не занимают граждан. Главными источниками исторических сведений являются публицистические, не научные материалы: исторические художественные и документальные фильмы и сериалы, семейные архивы, а также Интернет, особенно для молодежи (37%). Многие россияне читают исторические романы, хотя как источники знаний и представлений о прошлом они вдвое уступают экранным произведениям (25%). При этом чем старше респонденты, тем охотнее они читают: порядка трети респондентов в возрасте старше 50 лет черпают запас исторических сведений из литературных произведений, что существенно выше, чем среди наших сограждан в целом. Отдавая должное экрану и книге, многие респонденты ценят различные способы личного прикосновения к прошлому. Это, прежде всего, воспоминания близких, семейные предания, архивы, бережно сохраняемые старинные вещи (32%). При этом выделяется ядро серьезных любителей истории (около 20% опрошенных), для которых основным источником исторических знаний является научная литература, вплоть до специальных исследований.

Кроме того, социологические данные показывают, что одним из основных источников информации россиян об истории страны является семейная память. Треть опрошенных (32%) черпают информацию о российской истории из воспоминаний и рассказов родных и близких, опираются на частную историю своей семьи. Чаще других к истории семьи как источнику достоверных сведений об отечественной истории обращаются жители села (35%) и респонденты с высшим образованием (36%). Если на селе традиционно живут рядом несколько поколений одной семьи, и многократно пересказанная семейная история для молодых поколений становится естественным знанием об истории страны, то интерес

образованных россиян к семейной памяти – нередко результат целенаправленных генеалогических изысканий, сознательного выстраивания собственной идентичности.

Интересуясь историей своей семьи, многие россияне стремятся сохранить и передать последующим поколениям семейную память. Прежде всего – через «атрибуты повседневности» (личные или антикварные вещи, домашнюю утварь, ювелирные украшения, религиозные реликвии и т.п.), большинство (73%) участников опроса хранят фото своих предков. Многие граждане поддерживают семейную память и активными действиями: 42% ухаживают за захоронениями предков, еще треть (33%) рассказывают своим детям и внукам историю семьи. «Особняком» стоит небольшая группа «осознанных генеалогов» (7%), которые хранят архивные выписки и документы, позволившие установить неизвестные обстоятельства жизни и судьбы их предков. Несмотря на свою малочисленность, такие мотивированные на серьезную поисковую и архивную работу граждане отражают серьезный запрос современного российского общества на культивирование и «семейной традиции», и объективного исторического знания в первую очередь об истории собственной семьи (лишь 11% опрошенных не хранят атрибутов семейного наследия).

Поиску объективных исторических фактов, в первую очередь об истории собственной семьи, немало способствует цифровизация и информационная открытость социальных медиа. Нередко восстановление разрушенной историческими перипетиями семейной истории и фамильной памяти оборачивается неожиданными «находками», в том числе и об исторической несправедливости, допущенной в отношении членов семьи. Персонифицированная через судьбу семьи история страны предсказуемо обеспечивает носителей семейной памяти гораздо более чуткой «исторической оптикой», особенно в отношении исторической несправедливости. Для непростой российской истории это может обернуться запросом на сложный социальный диалог на тему прошлого.

Как свидетельствуют социологические данные, «непроясненность» истории многих российских семей провоцирует запрос на исторически правдивую национальную историю: среди тех, кто хорошо знаком с историей своей семьи и знает о судьбах далеких предков, старших поколений бабушек и дедушек (69%) заметно выше доля тех, кто полагает, что нынешнему поколению россиян нужно полнее и честнее рассказывать не только о героическом прошлом нашей страны, но и о трагических страницах ее истории, преступных по сути действиях некоторых руководителей СССР и России. В тех же семьях, где не принято вспоминать прошлое, доля сторонников «исторического замалчивания» заметно выше, чем в среднем по массиву опрошенных (39% против 21% соответственно). Хотя и здесь число сторонников исторической объективности также значительно (50%).

Но запрос на правду не равен непримиримости в исторической дискуссии: каждый четвертый (39%) считает, что историческое знание специфично и не относится к «вечным истинам», а оценки историче-

ских личностей и событий с течением времени могут меняться. Вместе с тем в российском обществе сегодня сформировался запрос на «большой исторический нарратив», вписанный в единую картину мира, социологические данные фиксируют симпатии почти половины граждан единообразной оценке основных исторических событий (48%). В значительной степени такие тенденции являются следствием внешнеполитической изоляции и довольно жесткой риторики восточноевропейских стран по поводу «советского периода» собственного прошлого. Кроме того, довольно многие граждане очень хорошо представляют себе де-консолидационный, центробежный «ресурс» «войн за историю». Особенно, когда речь идет о ключевых, базовых для российской гражданской идентичности и культуры исторических событиях и периодах: Великой отечественной войне и подвиге советского народа.

Неслучайно почти три четверти респондентов (71%) уверены в необходимости отстаивать национальную версию трактовки истории. И большинство среди них (37%) считают необходимым жестко противодействовать попыткам интерпретировать историю, прежде всего, Второй Мировой войны, в духе преуменьшения роли Советского Союза в победе над фашизмом. Еще 34% являются сторонниками «soft-power», поддерживая необходимость популяризации национального понимания истории в фильмах и литературных произведениях, а также в СМИ и социальных сетях, через художественные фильмы и литературу. Лишь 4% граждан считают необходимым и возможным согласиться со справедливыми обвинениями в адрес нашей страны и попытаться самим переосмыслить некоторые исторические события. Еще по 8% предлагают либо пытаться сблизить позиции с нашими оппонентами через научные дискуссии, либо не обращать внимания: пусть у каждой страны будет такая история, какую она хочет.

Стремление большинства граждан защитить национальную историю в немалой степени проистекает из их уверенности (53%) в том, что от трактовки прошлого зависит наше общее будущее, поэтому «борьба за прошлое» имеет огромное политическое значение, в том числе и международное. Тех же, кто убежден, что нельзя слишком много внимания уделять прошлому, политизируя его, а нужно больше думать о настоящем и будущем, оставив прошлое историкам и архивистам, заметно меньше (37%).

Надо, однако, понимать, что неприятие многими россиянами альтернативной трактовки истории касается преимущественно попыток преуменьшить или вовсе аннулировать вклад Советского народа в победу над фашизмом. Высокая значимость Великой победы и послевоенного периода в истории страны связана с включенностью памяти о Войне в фамильную историю многих семей. Поддержанию статуса Великой отечественной войны как главной исторической ценности российского общества способствуют многочисленные государственные программы патриотического воспитания.

Но в целом же россияне не склонны идеализировать прошлое страны. Отвечая на вопрос «Какой период в истории России

XX века в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?», большинство (23%) выбирают современный период, не стремятся к реставрации ни далекого, ни относительно недавнего прошлого. Среди реальных периодов национального прошлого наибольшей благосклонностью пользуется брежневская эпоха (19%). Хотя по сравнению с данными начала 2000-х гг., ностальгия по брежневскому «развитому социализму», вполне естественно, ослабевает.

По-прежнему полностью отторгается российским обществом «перестройка» и время правления Б.Н. Ельцина (по 1% отметили, что это время соответствовало идеальной парадигме развития России). Сталинский период, на критике которого в свое время поднялся Н.С. Хрущев, выглядит в глазах россиян даже более заслуживающим уважения, хотя количество условных «сталинистов» незначительно (чуть более 4 %). Несмотря на определенные усилия по популяризации имперского прошлого, лишь 6% респондентов симпатична царская Россия. Обращает на себя внимание обширная доля респондентов, которые в принципе не видят или не могут выбрать в прошлом страны период некоторого «российского ренессанса», надеясь, вероятно, на его возможность в будущем – 44%.

В пользу в целом взвешенного и в чем-то даже примирительного отношения россиян, особенно младше 30-летнего возраста, к оценке исторического прошлого страны свидетельствуют ответы граждан на вопрос о том, в какой период истории страны они лично хотели бы жить. Это не вопрос некоторого гипотетического или идеального периода в прошлом, а вполне прагматичные рассуждения сограждан о том, комфортно ли чисто по-человечески им было бы жить в ту или иную эпоху. Аналогично высшим позициям иерархии идеальных исторических периодов, наиболее популярными периодами «для жизни» граждан были названы настоящее время, эпоха В.В. Путина (34%), а также «эра Брежнева» (25%). Предсказуемо вернуться во времена «развитого социализма» желали бы прежде всего представители старших возрастных когорт (об этом заявили более 40% респондентов старше 50 лет). В то время как примерно такая же доля молодежи до 40 лет (41-44%) считают наиболее комфортной для себя современную Россию. И такое нежелание экспериментировать с «машиной времени» связано не только с понятным отсутствием достоверных представлений об устройстве повседневности других исторических эпох, но и с отсутствием какой бы то ни было общественной или семейной ностальгии по прошедшим историческим периодам. Возможность пожить в советской реальности, особенно в сталинский период, несмотря на высокую значимость советской мифологии для коллективной идентичности, отнюдь не привлекает молодежь. Хотя и на эту эпоху находятся желающие (3%). Чего нельзя сказать о периоде «перестройки» М. Горбачева и временах Б. Ельцина: среди всех возрастных групп граждан доля тех, кто хотел бы жить в конце 1980-х гг. – середине 1990-х гг., не превышает 1%.

Вместе с тем около трети граждан (31%), от четверти (24%) среди самых взрослых россиян, старше 60 лет, до 37% среди молодежи 18-30 лет, в принципе не склонны к историческому визионерству, не сравнивают исторические эпохи с точки зрения комфорта для себя и затрудняются с выбором эпохи для себя.

Такая высокая доля неопределившихся и с идеальным периодом национальной истории, и с возможным историческим периодом жизни для себя довольно ярко свидетельствует о зыбкости, неустойчивости как большинства исторических оценок, так и возможных консенсусов в трактовке прошлого. Вместе с тем отсутствие болезненной заикленности российского общества, особенно молодежи, на прошлом ярко свидетельствует о конструктивном стремлении к оценке прошлого, избеганию «войны за историю».

Информация об источниках финансирования исследования

Исследование выполнено в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг. (Поручение Президента РФ № ПР-71 от 16.01.2020 г.) в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук (ФНИСЦ РАН). Проект «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности».

Funding

This work was made possible by support from the program of fundamental and applied scientific research "Ethno-cultural diversity of the Russian society and strengthening of the all-Russian identity" 2020-2022 (Decree of the President of the Russian Federation No PR-71 of January 16, 2020), that is being implemented in the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS). Project "Historical Symbols as a Factor of Strengthening the All-Russian Civil Identity."

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Бараш, 2017 – *Бараш Р. Э.* О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 4 (20). С. 124–151.

Бараш, 2020 – *Бараш Р. Э.* Гражданская идентичность россиян: динамика и перспективы // Вестник Российского философского общества. 2020. № 1-2 (91-92). С. 94–104.

Горшков, 2017 – *Горшков М. К.* О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 22.

Курилла, 2022 – *Курилла И. И.* Битва за прошлое: как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер. 2022. 232 с.

Малинова, 2018 – *Малинова О. Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб: НесторИстория, 2018. С. 27–53.

Belavusau, Gliszczynska-Grabias, Mälksoo, 2021, web – *Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A., Mälksoo M.* Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine. Jahrbuch des öffentlichen Rechts // SSRN's eLibrary. Publ. online April 5, 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3806091> (дата обращения: 12.10.2021).

Bertens, 2020 – *Bertens L. M. F.* “Doing” memory: performativity and cultural memory. In J. Cardiff, Bures G. Miller's Alter Bahnhof video walk // Holocaust Studies. 2020. Vol. 26. No. 2. P. 181–197.

Knutsen, Knutsen, 2019 – *Knutsen K., Knutsen I.* Performative historical competence: use-of-history as symbolic action // Journal of Curriculum Studies. 2019. Vol. 52. No. 4. P. 673–684.

Koposov, 2018 – *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. (New Studies in European History.) N.Y: Cambridge University Press, 2018. 321 p.

Miller, 2020 – *Miller A.* You are only victims, we are only perpetrators? // Political Use of the Past in Russia and Abroad: Collection of essays / Miller A.I., Malinova O.Y., Efremenko D.V., Voronovici A.A.; ed. by D. V. Efremenko. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, 2020. P. 224–228.

Morozov, 2020 – *Morozov I.* Historical memory as a political category in modern Russia // Society: Politics, Economics, Law. 2020. No. 1 (78). P. 12–18.

Schechner, 2013 – *Schechner R.* Performance Studies: An Introduction. L.; N. Y.: Routledge, 2013. 364 p.

References

Barash, R.E. “O nekotorykh prichinakh ‘sovetskoy’ nostalgii i osobennostyakh istoricheskoy pamyati rossiyan o sovetskom periode” [About

some reasons for the “Soviet” nostalgia and features of the historical memory of Russians about the Soviet period], *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 2017, vol. 5, no. 4 (20), pp. 124–151. (In Russian)

Barash, R.E. “Grazhdanskaya identichnost rossiyan: dinamika i perspektivy” [Civic identity of Russians: dynamics and prospects], *Vestnik Rossiyskogo filosofskogo obshchestva* [Bulletin of the Russian Philosophical Society], 2020, no. 1-2 (91-92), pp. 94–104. (In Russian)

Belavusau, U., Gliszczynska-Grabias, A., Mälksoo, M. “Memory laws and memory wars in Poland, Russia and Ukraine. Jahrbuch des öffentlichen Rechts”, *SSRN's eLibrary*, publ. online April 5, 2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3806091> (accessed on October 12, 2021).

Bertens, L.M.F. “Doing’ memory: performativity and cultural memory. In J. Cardiff, Bures G. Miller’s Alter Bahnhof video walk”, *Holocaust Studies*, 2020, vol. 26, no. 2, pp. 181–197.

Gorshkov, M.K. “O garmonizatsii mezhetnicheskikh otnosheniy v poreformennoy Rossii: kontekstualnyy podkhod” [On the harmonization of interethnic relations in post-reform Russia: a contextual approach], *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia], 2017, vol. 6, no. 2, pp. 14–25. (In Russian)

Knutsen, K., Knutsen, I. “Performative historical competence: use-of-history as symbolic action”, *Journal of Curriculum Studies*, 2019, vol. 52, no. 4, pp. 673–684.

Koposov, N. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. (New Studies in European History.) New York: Cambridge University Press. 2018.

Kurilla, I.I. *Bitva za proshloye: kak politika menyaet istoriyu* [The Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow: Alpina Publisher, 2022. (In Russian)

Malinova, O.Yu. “The politics of memory as an area of symbolic politics”, in: A.I. Miller, D.V. Efremenko (eds.), *Methodological issues of studying the politics of memory: selected scientific works*. Moscow; Saint Petersburg: NestorIstoriya Publ., 2018, pp. 27–53. (In Russian)

Miller, A. “You are only victims, we are only perpetrators?”, in: Miller A.I., Malinova O.Y., Efremenko D.V., Voronovici A.A., *Political Use of the Past in Russia and Abroad: Collection of essays* / ed. by D.V. Efremenko. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences PA Publ., 2020, pp. 224–228.

Morozov, I. “Politika pamyati kak oblast simvolicheskoy politiki” [Historical memory as a political category in modern Russia], *Society: Politics, Economics, Law*, 2020, no. 1 (78), pp. 12–18.

Schechner, R. *Performance Studies: An Introduction*. London; New York: Routledge, 2013.

Поступила в редакцию 13.12.2021